

Неудобная история

Муниципальный работник очищает оскверненный мемориал в Едвабно

Ребенком я рос на этих историях. По вечерам, когда пропадал свет и нельзя было чем-то заняться, родители рассказывали о своей жизни. В основном о войне, которую пережили еще детьми.

Это были страшные истории. О советских расстрелах заключенных в июне 1941 года в соседнем лесу, где тела сбрасывали в яму с известью и ревели моторы, чтобы не было слышно криков. О том, какими злыми были немцы, отступавшие летом 1944-го. О послевоенных годах, когда «Советы» воевали с бандеровцами и, ложась спать, никто не знал, доживет ли до утра.

Бандеровцы в этих рассказах тоже выглядели не наилучшим образом. Главный упрек: из-за них невинно погибло много наших людей. Они расстреляли старую бездетную пару, потому что кто-то сказал, что те якобы доносят полякам. Соседи уговаривали не расстреливать их. Тогда главный бандеровец пригрозил, что поставит рядом со стариками каждого их защитника. А на следующей неделе того, кто донес, видели в церкви в пиджаке, снятом с расстрелянного.

Каждая из таких историй кончалась моралью: «Те наши бандеровцы были не настоящими. Это были бандиты. А настоящие бандеровцы воевали далеко отсюда, на Волыни и в Карпатах».

Позже, когда я стал историком, то слышал подобные рассказы и в других регионах. Поэтому знаю, что наши бандеровцы не были исключением. И когда я слышу о Волынской резне 1943 года, то не чувствую потребности отбеливать УПА: если бандеровцы так легко убивали своих, почему они должны жалеть чужих?

Но правда, как писал классик, редко бывает чистой и никогда не бывает простой. Тот главный бандеровец, о котором рассказывали родители, погиб смертью героя. Он подорвал себя в бункере гранатой, когда его окружили НКВДисты. Он так легко мог распоряжаться жизнью других, потому что был готов пожертвовать своей.

Грань между бандитом и героем иногда очень тонкая. В истории нашего района он фигурирует только как герой. Так работает коллективная историческая память: она должна быть удобна. И рассказывать лишь о том, что представляет нас в выгодном свете.

Об этом хорошо сказал Ренан в своей Сорбонской лекции 1882 года «Что такое нация»: «Неправильное понимание истории — залог существования нации». Мы боимся рассказывать правдивые истории, поскольку боимся перестать быть нацией. Поэтому историческая память является не столько припоминанием, сколько забыванием невыгодных нам фактов. Ренан приводил пример французов, которые не любят вспоминать о Варфоломеевской ночи.

Сегодня польский историк Ева Курек собирает подписи под законопроектом

об эксгумации замученных в Едвабно евреев. Напомню: 75 лет назад, в июле 1941 года, местные поляки убили несколько сотен еврейских соседей. Утром их вывели на рынок, где били и издевались, а после обеда, вместе с детьми и женщинами, отправили в сарай и сожгли заживо.

Доктор Курек требует эксгумации, чтобы доказать — евреи были не сожжены, а расстреляны. Это означало бы, что их убили не поляки, а немцы. Что в свою очередь вернуло бы полякам веру в то, что они всегда были лишь невинными жертвами и никогда не совершали преступлений — в соответствии с укорененным мифом «Польша — Христос народов».

Кампания за эксгумацию в Едвабно ведется в то время, когда Сейм принимает законопроект о признании Волынской резни украинским геноцидом против поляков. Двойные стандарты очевидны. Когда поляки убивали евреев, это было провокацией немцев, а потому поляки невинны, как агнцы. Зато когда украинцы убивали поляков, это была акция украинских резунов, жаждавших крови невинных жертв. И все разговоры о советском или немецком факторах и т.д. — выдумка украинских националистов.

Из этого нагромождения лицемерия есть лишь один выход. Вместо того, чтобы показывать друг на друга пальцами, надо становиться на сторону жертв. Не тех, кто убивает, а тех, кого убивают. Неважно — евреев, поляков или украинцев.

От этого жизнь точно не станет удобнее. Зато честнее и ближе к правде.

Ярослав Грицак, *Gazeta.ua*